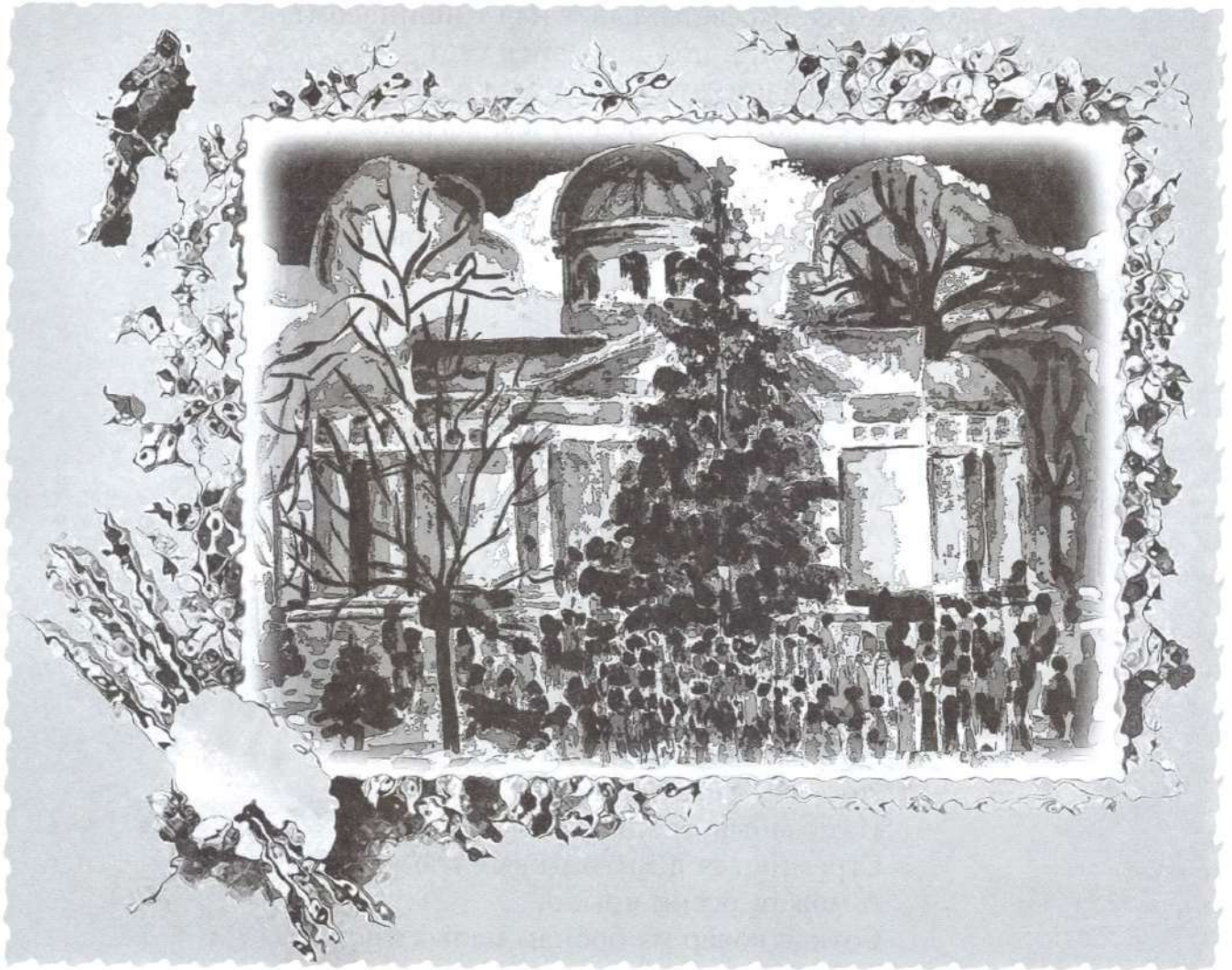

* * *

О чём ты думаешь, поэт,
Когда рассвет плывет над Кишинёвом?
Когда зари рождающейся свет,
Над краем, что тобою был воспет,
Тревожит небосвод лучём багровым?
А может, ты в полночный час,
Когда фонтан сияет лунной фреской,
Чтобы уйти от восторженных глаз
Идёшь в аллею парка и о нас
Беседуешь под липой с Эминеску?
А может, наш кипучий век
Ты видишь как корабль без названья,
Где ход часов напоминает бег,
Где в джинсопляске шумных дискотек
Мы забываем о своём призваньи?
А может, ты жалеешь нас,
За то, что мы немного не успели
Родиться в тот благословенный час,
Когда глупцы не знали громких фраз,
А подлость искупалась на дуэли?
О чём ты думаешь, поэт?
Быть может, ты душой неугомонной
Постичь желаешь тайны наших лет,
И, позабыв придворный этикет,
Стремишься в митинговые колонны?
А может, осени крыло,
Соткав ковёр из бронзы палых листьев,
Тебе напомнит Царское село,
И, поднимая светлое чело,
Ты видишь в нас потомков декабристов?
О чём ты думаешь, поэт?
Откройся нам. Будь с нами откровенен.
Пусть дум твоих прольется ясный свет.
К чему молчанья горестный обет,
Когда вокруг такие перемены...

Новогодняя елка в парке «Победы». 1970

Птицы в Кишинёве

В Кишинёве,
зимой,
а точнее говоря – в декабре,
я внезапно услышал,
как птицы поют
на заре.
Где-то снег порошил,
и морозы в ту пору крепчали,
а у нас под окошком
по-летнему
птицы кричали.
Приходили ко мне,
по карнизу смешно семеня,
и стучали в окно,
и пораньше будили меня.
Ах, как птицы галдели!
Нисколько они не смущались.
И мои представленья
о времени года
смещались.
Все не верилось мне,
что в разгаре зимы,
в декабре,
могут птицы,
совсем как в июне,
кричать на заре.
– Что вы, птицы? – я спрашивал. –
Что вы затеяли, птицы?
Разве нету у лета границы,
где стынют криницы,
где грачи не кричат,
где мороз продирает галчат?

Перекресток ул. Г. Котовского и Кузнечной. 1989

Разве нету у лета границы,
где птицы молчат? –
Со своей высоты,
проявляя ко мне снисхождение,
отвечали мне птицы:
– Понятно твое заблуждение!
Лишь одно неприятно –
что ты недоверчивым стал:
даже нам,
даже птицам,
ты верить уже перестал!
Ну, а есть ли у лета граница?
Едва ли, едва ли.
Просто лето
зимою хранится
в глубоком подвале.
Где-то в темном подвале
хранится оно,
как вино.
Если хочешь – услышишь,
как бродит и дышит оно!.. –
Так сказали мне птицы.
Но, в зимнюю веря погоду,
за стеной уже елку готовили
к Новому году
и охапками целыми
вату носили домой,
клали вату на ветки,
довольны своею зимой.
Я не ватному снегу –
я птицам веселым поверил.
И сейчас же откуда-то
ветер июньский повеял,
и трава поднялась,
и тутовник зацвел во дворе...
Вот что было со мной
в Кишинёве
зимой,
в декабре.

Окно во двор. 1979

Борис МАРИАН

Весенний город

Земли неистребимый запах
Как гром, прорвался сквозь асфальт,
И манекены в новых шляпах
С витрин сбежали;
Ворон-птаха
Меняет хриплый бас на альт.

Иголки трав пронзают камни,
Хохочет занятой народ,
Бегут девчушки ручейками,
А в вышине, под облаками
Кружится чайкой самолет...

Лень зимних детей,
На солнце греясь,
Исчезла тихо, без следа,
И загадав оленям ребус,
Умчался в ближний лес троллейбус,
Сорвав рогами провода.

Крыши старого города. 1975

Зима в городе

На стертый бархат стынущих стволов
и золота старинного листву,
свисающую с тонких плетей,
на старый город в замкнутом кругу
строений уходящего столетья
на крыльях первозданной тишины
слетает первый снег,
так чист и так прозрачно светел.
Но миг покоя взорван стаей птиц,
в испуге взмывшей вверх
от выстрела мотора.
Бумажный легкий пепел крыл
трепещет и кружит в падении нескором,
следов подпалины легли на тонкий снег,
сложившись в прихотливые узоры...
Забившись в выемки кирпичной кладки стен
и в стык бетонных плит жилых кварталов новых,
созвездья снега ждут прихода тишины,
и вечер быстрый слышит зов их.
Одев дома в густой ультрамарин,
он огоньком сверкнет под ночи кровом.
...А купол банка старого устал:
ему ли с буйством ночи совладать
и на горбу своих бессчетных лет
небес нести разверстых благодать?
...Меркурий с крыши медной рвется в ночь
бурлящий снежный ливень обуздать...

Вид на Чуфлинскую церковь. 1977

Боюканский спуск

Кишинёв – мой город. Вся страна – Союз.
Школа номер сорок. Боюканский спуск.
Отпускал в глубинку жизненных дорог,
По дворам, по рынку лет летел клубок.
Ножевая школа. Острые умы.
Без различья пола маршируем мы.
Нам со счастьем равная истина дана,
Что прошла недавно победная война.

Город второго детства

*«...Земля – корабль»
С. Есенин*

Холмы темнеют над долиной,
Сверкает в травах хрупкая роса,
В предместных,
Кишинёвских мезонинах
Огни притихли. Гаснут голоса...
Горело здесь мое
Второе Детство.
Тянулись к небу строки тополей.
Звучат года неповторимой песней,
И вспомнились! Все ближе и сильнее!

Мой город детства – в зелени, в тиши,
И не понять: во сне иль наяву,
Казалось, плыл. Казалось, не спешил,
Как я в любовь последнюю плыву.
Благословенна щедрая земля,
Где каждый житель мне знаком и дорог.
Как выросли мои учителя!
Как вырос мой – за это время – город!...

Пушкинская горка. После апрельского снегопада. 2017

Львы

Растопив степенные ступени
Возраста, где вздрогнул тайный лед,
Чувств поток. Горячий. И весенний –
Вдаль по главной улице несет.
Площадь... Парки... Где аллеи...
Тропки:
Милых дозамужние края,
Юность!
Ведь на этой стометровке
Отмечталась вольница твоя.
Ясный на приветливом отрезке
Улицы исхоженной, потом
Я бывал непонятым и резким
На отрезке времени крутом.
Львы у банка. А теперь органа
Сторожит богатства каждый лев.
Звери! Вы молчите очень странно,
В роли стражей Муз не подобрев!
Я у ваших ног девчонкам верил,
Им стихи – в конвертиках даря...
Бью челом вам – гипсовые звери
От гранита неевского зверья.
Там вас много. Множатся потери
На отрезке времени большом,
Нежности – однажды – не поверил,
Долго объяснялся с ней потом...
Вас орган и флейты восхищают,
За нарядом шествует наряд,
Львицы Вас еще не посещают?
Но об этом вслух не говорят...

Школа №40

Жду каникулы и лето. Век шагнул за пятьдесят.
Класс шестой. Талантов нету.
(Так не в школе говорят).
А она сороковая! Но какая! Не пойму...
Деловая... Ножевая... Кто в министры! Кто в тюрьму.

Изучаются пороки исторических повес,
Прерываются уроки из-за дымовых завес,
Киноплёнки чудодейство: зажигаем – пшик и дым!
Изучаю лицедейство – мне б начальником...
Любым!

ЦПКиО. Вход у Гос. университета. 1978

Перекресток ул. Армянской и Букурешть. 2017

Парк разбит на старинном кладбище...

На Скулянке – безличие парка
Величавой тропой заросло,
Но под кленами – летом не жарко,
А под елью – зимою тепло.
«...Все быльем зарастет!» Зарастает.
А засохнет? Сгорит горячо.
Книгу жизни – не время листает,
То сердца не умолкли еще.
Наша память не по свету рыщет,
Ищет истину – но не в молве:
«Парк разбит на старинном кладбище
В Кишинёве, а сохнет в Москве...»
Павильон, что на месте сторожки,
Манит пивом и тропки хранит,
Где вели синагоги дорожки
Сквозь терновник меж каменных плит.
Как с покойным мы спорили Ромой,
Вспомнив каждый трагический год,
Но на месте боев и погромов
Разоренный советский завод.
Мы мечтали... О чем мы мечтали?
Лишь о лыжах беснежной зимой,
Но тайком книгу жизни читали,
Ту, что с улиц заносят домой.
Эта книга – полуденный город
Справедливой седой детворы,
Город знал изобилье и голод
В бескорыстии школьной поры.
Наши судьбы судьба не душила,
Но сжигала к доверью мосты.
Отшуршали ночные машины,
Унесли поколений мечты.
Были строгими девочек папы,
Беспощадными наши отцы.
Про бессрочные в сердце этапы
Дворовые хрипели певцы.
Как за русских с врагами подраться
Нас учило победно кино,
Об единстве народов и наций
По подъездам познали давно.
Мы мечтали... И кем-то не стали,
Но не ищем особых причин:
«Умирал полстолетия Сталин,
Почему, когда больно, молчим?»
Парк дымит по весне так красиво,
Но без гнева вселенских обид;
«... Будто гетто в Варшаве, в России
Русь сгорела?» Нет, в сердце горит.

ТЭЦ - 2. 1979

Дачное

там, на задворках Кишинёва,
на дальних выселках его,
качается мой сад вишневый,
айвовый, грушевый, сливовый
и огородно-полевой.

там не бывает третьих лишних,
а проходящих мимо – тьма,
и звезды самых близких ближе,
и можно трогать их и слышать,
в пространстве отраженья мять –

там озеро в пяти минутах,
утиный камышиный рай.
и кажется: нужна кому-то –
земле – в любое время суток,
хоть никогда не умирай.

но город терпеливо выждал
на вечном южном сквозняке,
взял тепленькой чужой и лишней
и прихожу в себя под вишней
в небесном синем гамаке.

Кишинёв:

прижизненное

город теряет лицо
стремительно
прячет увядание
за дешёвой рекламой
жёлтыми фотографиями уехавших
жив терпением старожил

общее

придешь – а там не вишни и пустырь,
а стройка и стоянка, и заправка,
и жалкими обломками кусты
вцепились мёртво в жёваную травку.

Комсомольское озеро. ЦПКиО. Ивовая аллея. 1977

так жизнь моя, так память – посмотри,
что остаётся после – обернёшься:
хозяйничают прошлые внутри
меня уже не греющего солнца.

а может быть, и не было моим? –
привиделось, примнилось безоглядно?
а мы с тобой беспмятно стоим,
сопоставляем солнечные пятна.

буднее ноябрьское

дышать тревожно, город в молоке
по крыши, выше – облачные сгустки,
а на земле – рассыпанный букет
резных цветных визитных листьев узких.

томительно светает, хорошо,
я не спешу, мне некуда пока что,
гляжу по сторонам – так разрешён
курщим приступ утреннего кашля.

вот склон холма – край света, и в туман
оттуда только вороны да сырость.
вот призраки деревьев и дома,
и в каждом хоть окошко бы светилось.

зато мигают тёплым фонари,
а свет по капле разбавляет воздух,
и вдруг – как соком брызнул мандарин –
а вытрешь слёзы – удивляться поздно:

прозрачно, ясно, шумно, до того
ускорилось всё и неуловимо
теперь для впечатленья моего –
идёт лавиной.

Опаздываю, правда, не бегу
а вскакиваю, словно на подножку
трамвая – в омут рук и глаз, и губ –
и моментально ускоряюсь тоже.

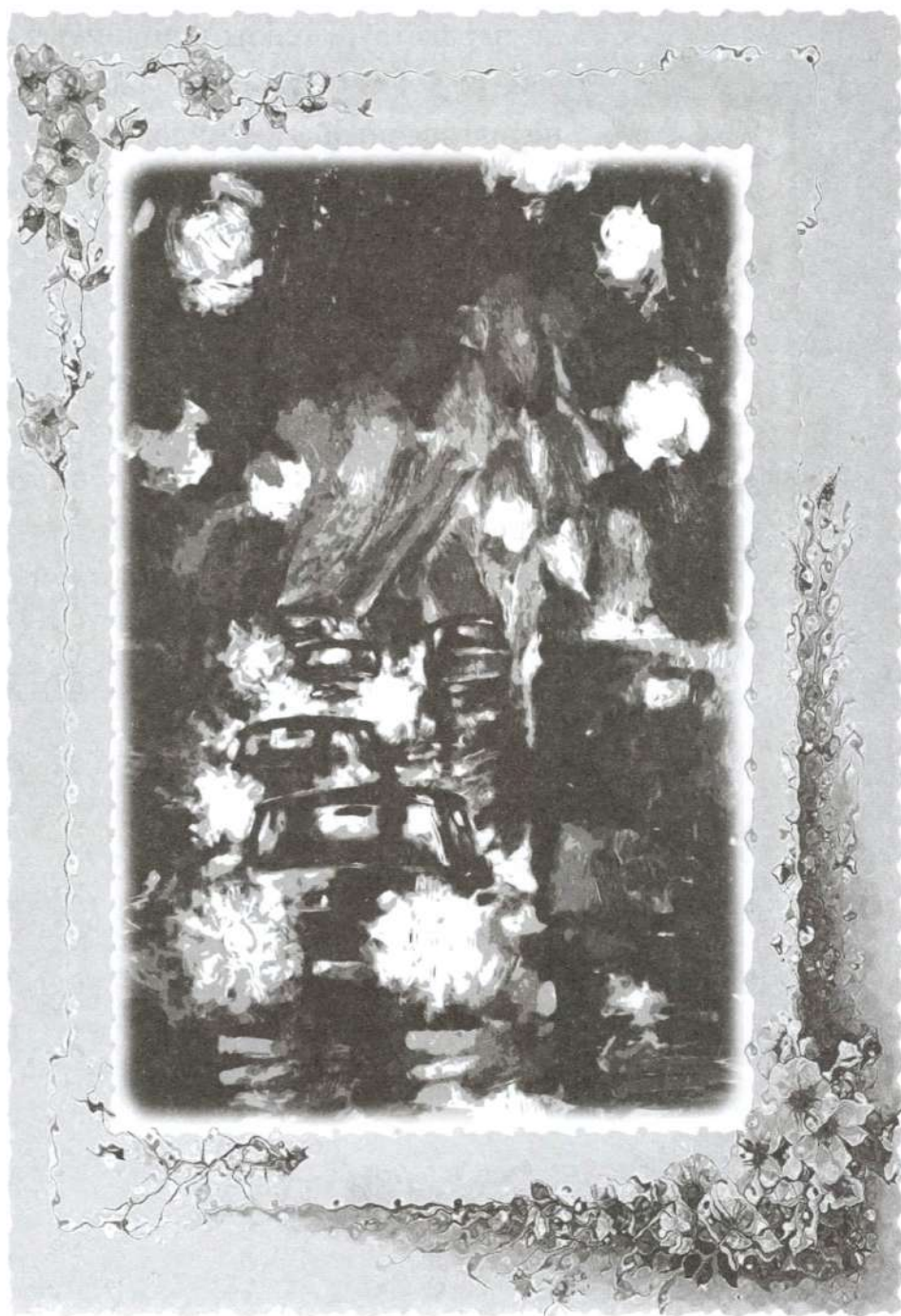
Зоопарк. 1985

Сообщники

ну, здравствуй, тёплый кишинёвский снег!
тебе со мной к закату не краснеть,
недолговечный, тихий, долгожданный,
едва ли ты касаешься земли –
моё существование продли
небесной манной –

и город-призрак выступит из тьмы
скелетом отступающей зимы
под мутным, беспощадным лунным оком,
перемигнётся весело со мной
и распахнёт внезапно в мир иной
зеницы окон.

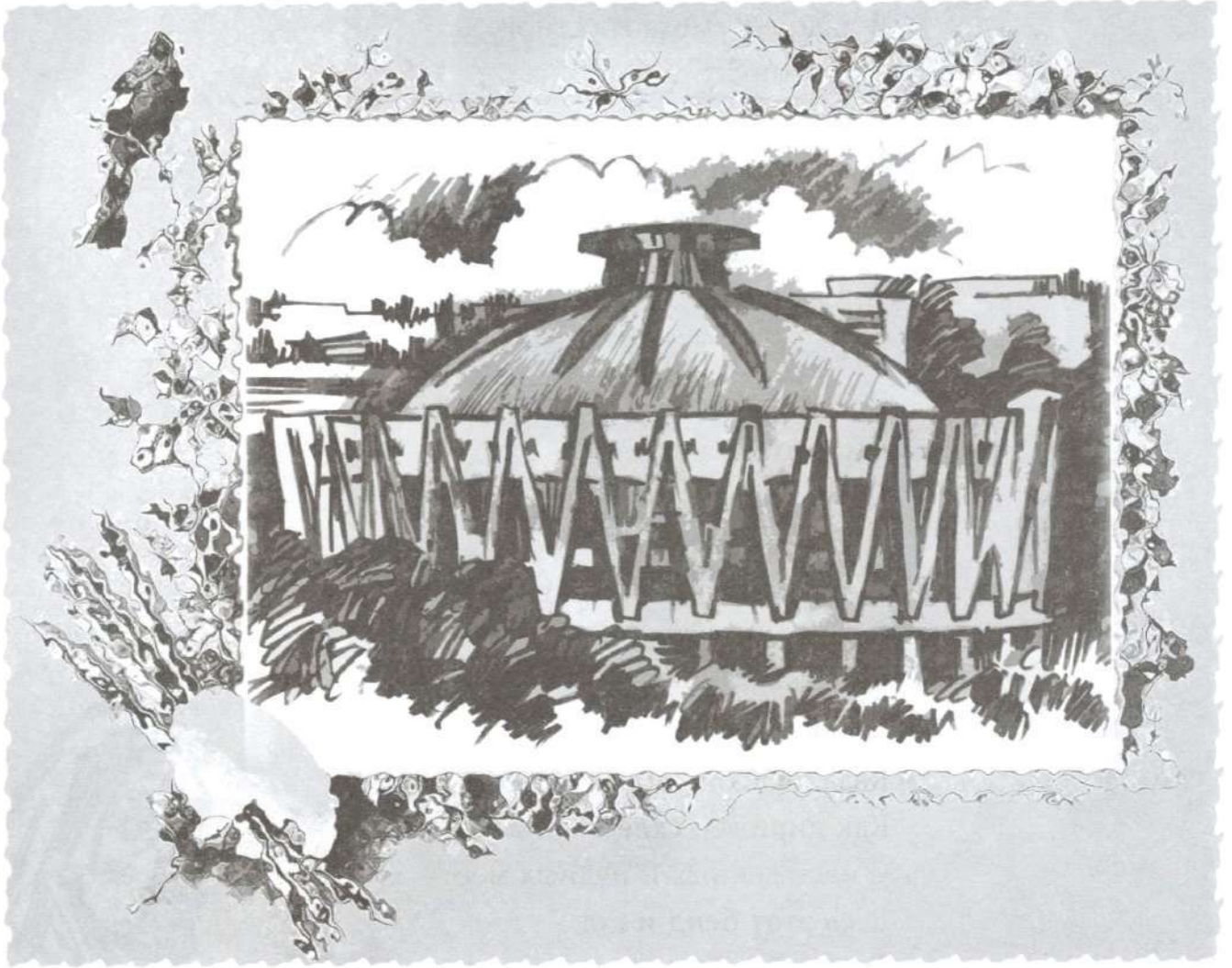

Ночь. Ул. Алеку Руссо. 1985

Дождь

Дождь шел косыми каплями,
Шумел и дребезжал.
Как кадры Чарли Чаплина,
Он улицу держал
В ладонях смеха грустного,
В картинках суеты,
В зонтах, в плащах искусственных,
И был со мной на ты.
Я ожидала слякоти
И луж, и мокрых лиц,
Но в беспредельном ракурсе
Луч радуги повис.
В подъезде, где мы прятались,
Шумели мужики.
Девчонки, словно капельки,
Вставали на носки.
С окраины простуженной
Тянуло звоном лип.
И розовой жемчужиной
Плыл радуги изгиб.
Казалось, он собрал оркестр,
Как дирижер схлестнул
С насиженных и нудных мест
Весь этот бенд и гул.
Троллейбусы неслись не вскачь,
А вровень под дугой.
И отражался детский мяч
В воде, как под водой.

Цирк (архитектор М. Шойхет. Открыт в 1981). 2017

* * *

А в городе, где вымерли поэты,
Светало поздно, спали до утра.
В зенит входило медленное лето,
И гасли поздно злые вечера.
Старик из дома утром не выходит,
Любимый не целуется со мной,
И солнце в мертвом городе заходит
То рано, а то поздно в день любой.
Ни пьяных, ни прохожих, ни влюбленных,
Ни воинов, ни трусов, ни купцов
Не встретишь в переулках обреченных
И позабывших назначенье слов.

* * *

Давай бродить всю осень напролет
По палой желтизне листья и слушать
Души его нечаянный полет,
Навек, навек у нас отнявший душу.

И сознавать, что есть и впереди
Кудрявый Пушкин, чародей беспечный,
И если долго-долго вдаль идти,
То это будет не последний встречный.

Овощной магазин на углу ул. Армянской и Н. Пирогова. 1975

Зеленый зал

В этой зале встречались недаром,
В полнолунье сбежав от семьи,
Статс-девицы, поэты, гусары,
Провести вечерок с «Жомини».

На балу, на воскресном собраньи
Развлекать именитых гостей,
На страницах столичных изданий
Промелькнуть в чередѣ новостей.

Всѣ меняется: время, поэты...
И лишь здесь неизменны живут
Их улыбки, слова, силуэты
И прогретый их светом уют.

Здесь опять назначают свиданья,
Здесь поют и играют фокстрот...
И шатается ветхое зданье
От весѣлых и легких острот...

Но порой, когда стыло и сыро
И за окнами тьма и зима,
Словно тени из старого мира,
Оживают по тѣмным углам.

Кем-то ставятся новые свечи,
Протирается ветхий паркет.
И на чьи-то озябшие плечи
Вдруг набросят галантно жакет.

Ставят стол, канделябры. Колода,
Шелестя, заскользит по рукам,
И горшочек на крышке комода
Превратится в заветный стакан...

Снова кто-то в сиреновом фраке,
Разбирая голландский товар,
Вдруг расскажет про смуты поляков,
Про недавний московский пожар ...

Подзакрутит столичные бачки
И гусаром пойдѣт в менюэт
Танцевать с разбитною горячкой
Среди блеска свечей, эполет...

А когда петухи, ночь покинув,
Прокричат о приходе зари,
Чьи-то тени с улыбкой застынут,
Хоронясь по углам... До поры.

Окно во двор. 1975

Цветущая акация

(Кишинёвская баллада)

Воздух пьянел от цветущей душистой акации.
Слесарь Василий на месте застыл от смущенья.
Сверху грудастая Геня в одной комбинации
Драила стёкла и рамы – вот это везенье!

Сердце забилося кувалдой в груди от желания.
Пусть разведёнка... и дочь – что за имя?! – Ребекка.
Вася, решившись, неловко промямлил признание,
Чем подписался на длительный срок (четверть века).

Били посуду нечасто, лишь время от времени.
Оба работали. Всё было, в общем-то, славно.
Геня, смущаясь, шепнула: «Васёк, я беременна».
Сына, рождённого в муках, назвали Иваном.

Вот и Ребекку, уже волоокой красавицей,
Хмырь провожает, прощаясь, небрежно облапав.
Вася, увидев, спросил только: «Он тебе нравится?»
Ярким румянцем в ответ возмущённое: «Па-па!»

Годы скользили неслышно, меняя течения.
Слово «свобода» – бесплатной добавкой к отъезду.
Геня с Василием, выбрав рецепт поколения,
Тоже решили сорваться с привычного места.

Только судьба, до сюрпризов уж больно охочая,
Всё изменила: в два месяца Гени не стало.
Плакал Василий в обнимку с приёмною дочерью
(Как-то сложилось с ней лучше, чем с сыном Иваном).

Снова июнь. Столько лет утекло незамеченных.
Мало кто вспомнит сегодня красавицу Геню.
Только акация – раной в душе незалеченной –
Также прекрасна в душистую пору цветенья.

* * *

Мне впитывать вечерний Кишинёв...
Деревья, что покачивают гривой
Задумчиво, как женщины. И дивны
Их песни без мотива и без слов.

Комсомольское озеро. ЦПКиО. 2003

Сомкнули очи мраморные львы,
Журчание фонтанов тише, тише...
Мой Кишинёв вечерний жадно дышит,
О горестях и зное позабыв.

Что помнится? Лишь гомон голубей,
Звон колокольни, каблучки красотки –
Воистину пленительной походкой
Сквозь вереницу августовских дней,

Времени других дыханье и размах...
Мой Кишинёв зевает чуть смущённо.
И лунный глаз глядит заворожённо
На спящий город на семи холмах.

Кольцо

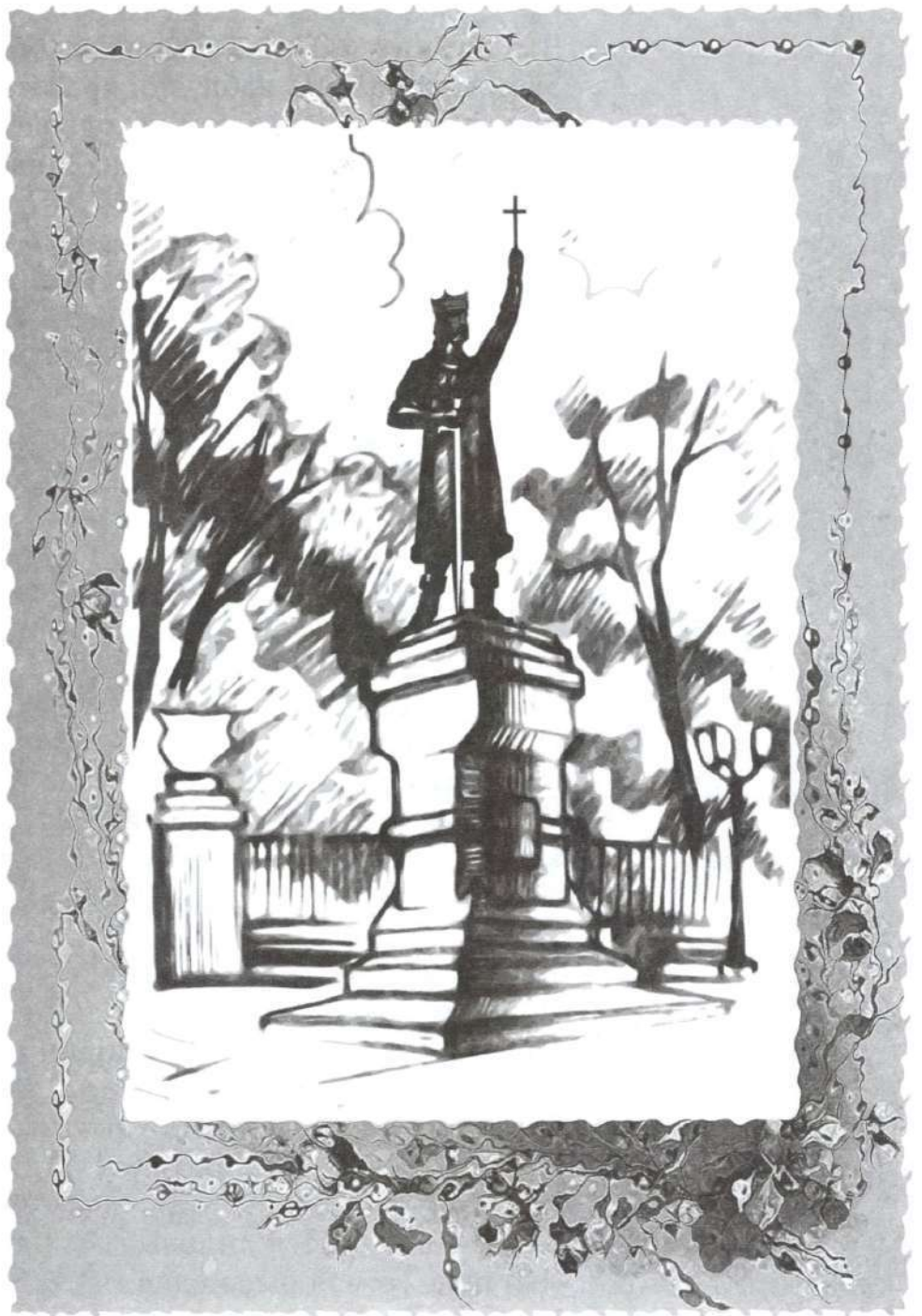
Я помню, как сейчас: я шла по парку.
Кусты стояли, словно часовые.
Деревья же, измученные зноем,
Листву свою роняли прежде срока.
И так назойлив был цветочный аромат,
Как будто сотни женщин надушились.
Или одна, что мне идёт навстречу
И юбкой длинною аллею подметает...
Но кто она? Я ж говорю – цыганка!

Тогда, в самом начале девяностых,
Полно их было в городе. Бродили
Мужчины, женщины... У женщин на руках
Посапывали смуглые младенцы.
Едва младенцы начинали хныкать,
На Божий свет вываливались груди,
И крохотные ротики терзали
В звериной ярости лиловые соски.
Цыганка же моя была одна.

– Давай тебе на счастье погадаю...

Представить Кишинёв без этой фразы!
От парка Пушкина до самого вокзала
Жужжит она назойливою мухой.
А отмахнёшься – месть придёт мгновенно:
Так проклянут, что жизни рад не будешь.
«Всё суеверие», – смельчак промолвит редкий,
Украдкой поплевав через плечо.

– Давай тебе...

Памятник Штефану III Великому.
Господарю Молдовы
(скульптор А. Плэмэдялэ.
Открыт в 1928). 2017

Я отшатнулась и рванула прочь.
Она за мной. И запах её тела
Накатывал удушливой волною.
Как долго продолжалась эта гонка?
Аллея пролетала за аллеей,
Так мог бы пролетать за веком век.
Но за спиной вдруг стало странно тихо.
Ужель черноволосая отстала?
Отстала, да, вдогонку бросив слово.
Мне не слышалось, она сказала «мама»?

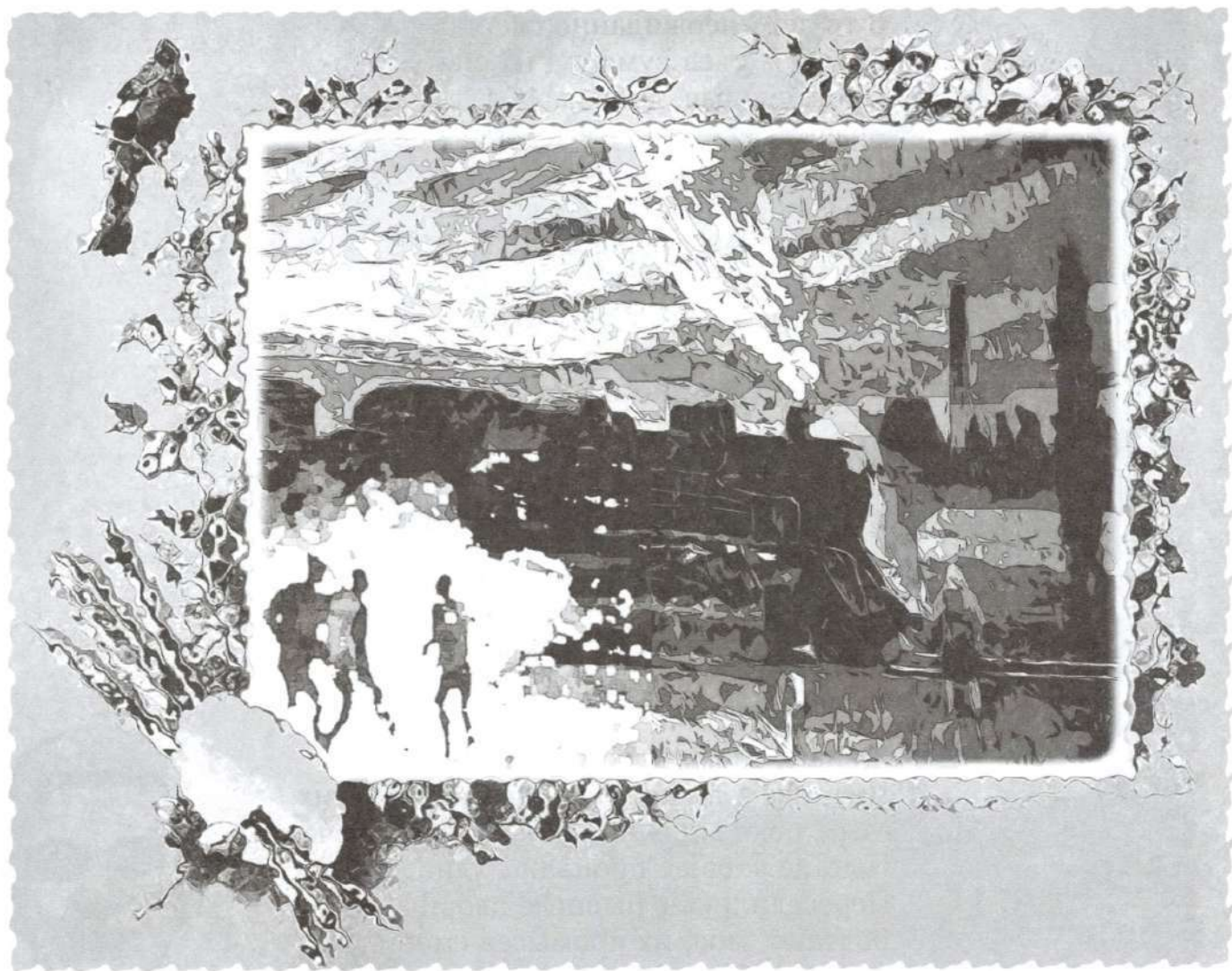
Остановилась я, как вкопанная. Мама
В то лето неожиданно слегла.
Болезнь, съев румянец на щеках,
Прожорливая, добралась до тела.
Врачи, лекарства – всё было впустую.
Цыганка объяснила это сглазом.
Но если ей отдам своё кольцо,
Что золотом сверкает горделиво...

Да что кольцо – я б душу отдала!

Домой вернулась без кольца, конечно.
Открыла дверь – и запах свежей сдобы
Ударил в нос. Как выяснилось, мама,
Почувствовав себя намного лучше,
Соскучилась лежать без дела –
И вот на блюде горка пирожков.
Рассказывала так и улыбалась,
И золотом казалась та улыбка.
А в волосах светилось серебро.

Я знаю, знаю, просто совпадение.
Цыганка – лишь мошенница из многих.
Мы с нею, впрочем, больше не встречались.
Цыгане вообще пропали с улиц,
Переселились в пышные дворцы.
Болтают, мол, их промысел сменился,
Стал прибыльней намного, но опасней,
И молодые парни мрут, как мухи,
Едва дожив до двадцати пяти.

А золота на женщинах цыганских,
Как фруктов по Молдове в год обильный.
Но могут ли все кольца, серьги, цепки
Заменой стать любимых и родных...

Вокзал. Старый паровоз. 1979

Кишинёвская осень

Здесь воздух загустел до синевы,
Но нет Моне, чтоб оценить палитру.
Дождливым сожалением размыты
На городских полотнах чьи-то сны.

У пасмурных домов седеют завитки.
О прошлой нежности они забыть не в силах.
Но ставни сомкнуты, а двери не простили
Ступеней каменных, сбежавших в сумерки.

День угасающий заметно спал с лица.
Когда б не вспоминать о листопаде...
Да осень, как старуха у крыльца,
Всё тербит редеющие пряди.

Городская симфония

Утро. Симфония города громче и ближе,
Словно с балкона мы вдруг пересели в партер.
Кто-то незримый её добросовестно пишет,
В ноты вплетая метлу, неприбранный сквер...

Кошки и птицы. Конфликт – только плюс партитуре.
Люди, машины... Дизель, бемоли и проч.
Город гигантскими трубами пасмурно курит.
Ты погляди: тромбонист наш знакомый точь-в-точь!

Солнце явилось. Бессменная первая скрипка.
Нота за нотой, одна лучезарней другой.
Главная партия чьей-то лукавой улыбкой –
Уж не твоей ли? – прощай, привычный покой...

Звуки кружатся листвою, от звуков не скрыться.
Форте сменяет пиано, и наоборот.
Перемешались листки партитуры и лица.
Сколько их, этих аккордов бед и забот...

Хоть и в партере, спине неуютно под вечер.
Может, облупленный веком, любимый балкон?..
От расставаний ещё долгожданнее встречи.
Кто-то незримый потом объяснит всё, потом.

*Церковь Всех Святых на Армянском кладбище
(построена в 1830). 1978*

Мой город устал

Мой город устал от печалей, обид и разлук, и...
Страдает тяжёлым недугом – осенней тоской.
И сны его тоже больны: вечно грозные луки
И стрелы, увы, не Амура, а злобы людской.

Проплакавшись ночью, он днями обычно бесстрастен.
Пусть там, в небесах, восхитятся: «Да он молодцом!»
Немного робея от просьбы – конечно, о счастье, –
Подолгу стоит перед ликом с серьёзным лицом.

Он болен всем тем, что могло бы... да вот не случилось.
В масштабах Вселенной, казалось бы, это пустяк.
Но город тоскует, плутая в законах причины
И следствия... Грустно вздыхает: опять всё не так.

Частенько задумчивый, город мой бродит по лужам.
Всё что-то бормочет – рифмует «дожди» и «дождись»?
Он шмыгает носом (бедняга, как видно, простужен)
И смотрит куда-то в себя. Или вдаль. Или ввысь.

Зима. Продавщица цветов. 1989

Кишинёву

Это город страстей и соперниц,
Неподкупных и в ревности чёрствых,
Кое-как переживших неверность,
Перешедших растерянно в сестры.

Это город, где гордый мужчина,
Подарив неизбежным уходом,
Неизменно становится сыном,
Появляясь в дверях через годы.

Это город, где в ссыльные лета
Психовал и беспутничал Пушкин,
Это город трусливых поэтов,
За советом бегущих в психушку.

Это город намерений дерзких,
Подрастающих на самиздате,
Это город, где мальчик еврейский
Все равно выбирает Распятье.

Все равно выбирает дорогу
В стороне от проложенной нами.
Это город, отмеченный Богом,
Но об этом пока что не знает.

«Утренний кофе». Д. Грати
(ШИ, преподаватель С. Сулин). 1998

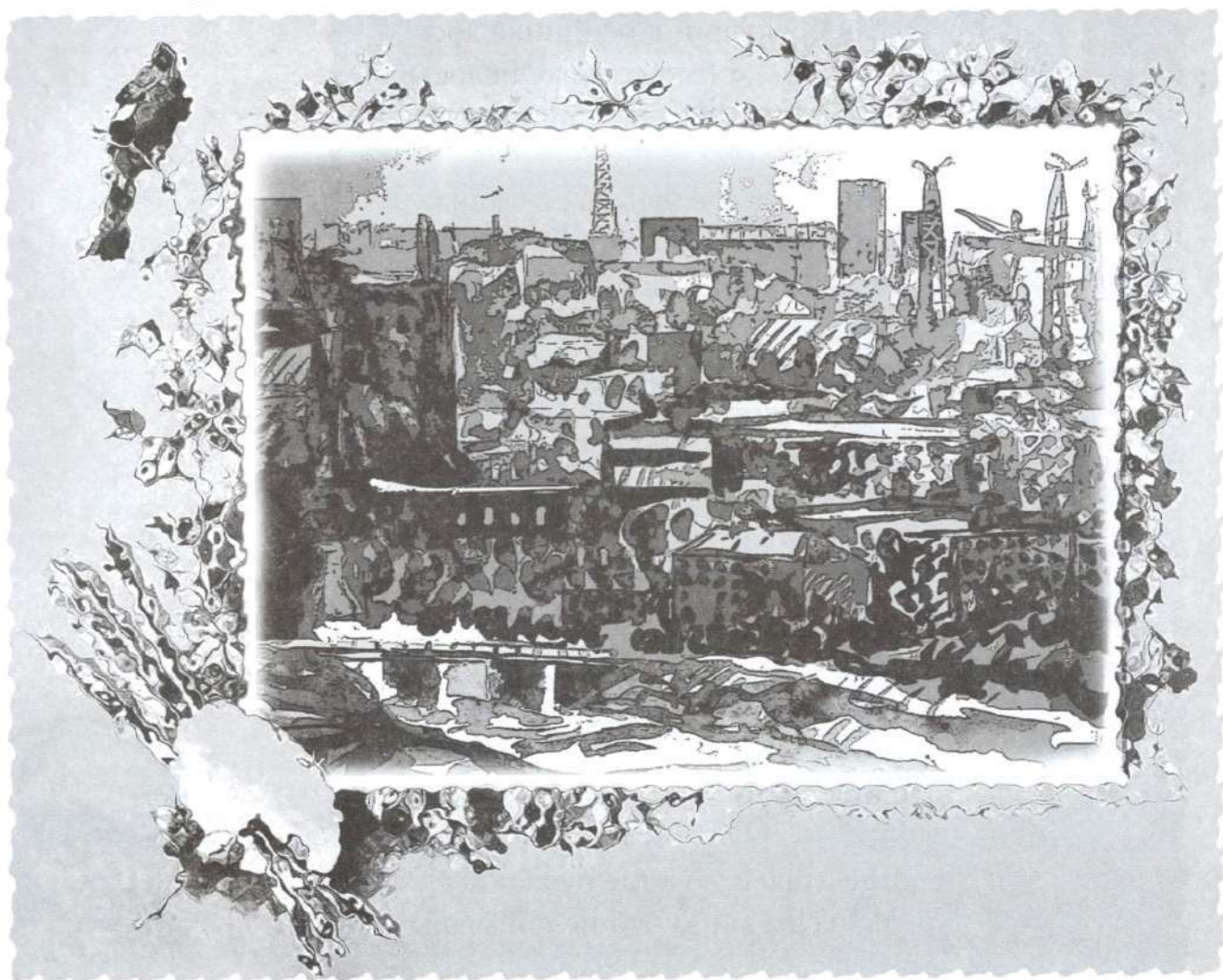
Воспоминания о Бессарабии

бродский друкер каплан ожиганов
фрадис хорват капович панэ
бессарабский парнас хулиганов
и поэтов поющих по не-
подцензурным законам где мелос
как бредущий в осиннике лось
хорошо на Рышкановке пелось
на Ботанике славно пилось

жили как у подножья вулкана
только задним умом и крепки
и панэ наподобие Пана
чашку лбом разбивал в черепки
вот сидят все на Малой Малине
вот уходят Долиною Роз
веря: встретятся завтра же и не...
и не зная еще: не пришлось

кто в Нью-Йорке кто в Кельне кто в Риме
кто в Москве кто в каком-то одном...
кто в небесном Иерусалиме
кто в Иерусалиме земном
рождество на вокзале кабина
диск крутя – дождь-жар-дрожь
дождь-жар-дрожь –
где отечество а где чужбина
с бодуна ни за что не поймешь

дождь стук-звук привокзальных стаканов
и ступают опять на панель
бродский друкер каплан ожиганов
фрадис хорват капович панэ
и в бреду ли в хмельном ли угаре
возносясь над жестяным кустом
исчезают... а Штефан чел Маре
осеняет их – снизу – крестом

Вид от цирка на Нижний город. 1975

Пушкин в Кишинёве

Еще далек он от тяжелых снов,
От грустных писем и сомнений зыбких,
Еще ему светло от звучных слов,
От просиявшей издали улыбки.

От солнца, от того, что под кустом
Крадется к воробьиной стае кошка.
И можно вишни брать с ладони ртом,
И косточки выплевывать в окошко.

И наблюдать сквозь солнечный туман,
Как в переулке, за калиткой сада,
Незло бранятся двое молдаван,
И ясно все – переводить не надо.

Еще ему со всеми по пути,
И не горька изгнания отравы,
Когда перо скрипит, и впереди
И молодость и непременно, слава.

И шмель звенит над выгнутым листом,
И можно вспоминать друзей – о боже –
И думать об Овидии, о том,
Что разные века, а судьбы схожи.

И смыть пора вишневый сок с руки,
Одеться, наконец и, между прочим,
Припомнить окончание строки,
Которая приснилась нынче ночью.

(Еще не близко до тяжелых снов,
До грустных писем и сомнений зыбких,
Еще ему светло от звучных слов,
От музыки, от ветра, от улыбки.)

Почистить ногти, расчесать виски,
Кудрявый лоб свой в зеркале увидев....
Ему еще полжизни до тоски,
До писем, что писал жене Овидий.

И слава богу. И пускай пока
Не омрачит предчувствие дурное,
И вишнями испачкана рука,
И шмель звенит, и солнце за стеною.

Март. Перекрёсток ул. Болгарской и Н. Пирогова. 2013

Серебряное слово

1

Осени серебряное слово,
Облака на небе прошуршат.
Кто услышит – будет околдован,
Замурован в теплый листопад.
Город наш. Он околдован тоже
Тихою осенней красотой.
Добрый вечер, человек прохожий,
Подожди, не торопись, постой!
Оглянись, прислушайся, ты слышишь –
Голос долетел издалека:
Это листья шепчутся на крышах
Или это шепчутся века?

2

Пять веков. Пожары, грязь и голод,
Звон мечей, колоколов, оков –
Вот твое начало, старый город,
Разноречьем вечный Кишинёв.
Жался к переулку переулок,
Чтобы ближе быть, когда гроза –
Вдруг сверкнут косые сабли турок
Иль татар раскосые глаза.

Но вином ковши врагов не полнят
Мельники, крестьяне, рыбаки.
И твои холмы, наверно, помнят
Штефана отважные полки.
Не в хоромы барских сила крепла.
Бил врагов, любил вино, пахал,
Дважды поднимался ты из пепла –
Мельничными крыльями махал.

3

Прошлый век – каруцею
По улочкам мглистым.
Но пахнут революцией
Речи декабристов
Торговый, грязный, грешный
Город мукомольный.
В твоей ночи кромешной –
Речи крамольные.
Еще они запрятаны
За стенами домов.
Еще они с заплатами

Церковь Покрова
Пресвятой Богородицы
(Мазаракиевская,
построена в 1757). 1973

Разноцветных снов.
Но зреют пожары рабочей магалы,
Крамолы в лавках старых –
Из-под полы.
И первым снѣгом колются
Речи декабристов.
На Пушкина косится
Приставленный пристав.
Пусть косится – подкосится,
Придет черед.
Двадцатый век попросится –
Всѣ перевернет.

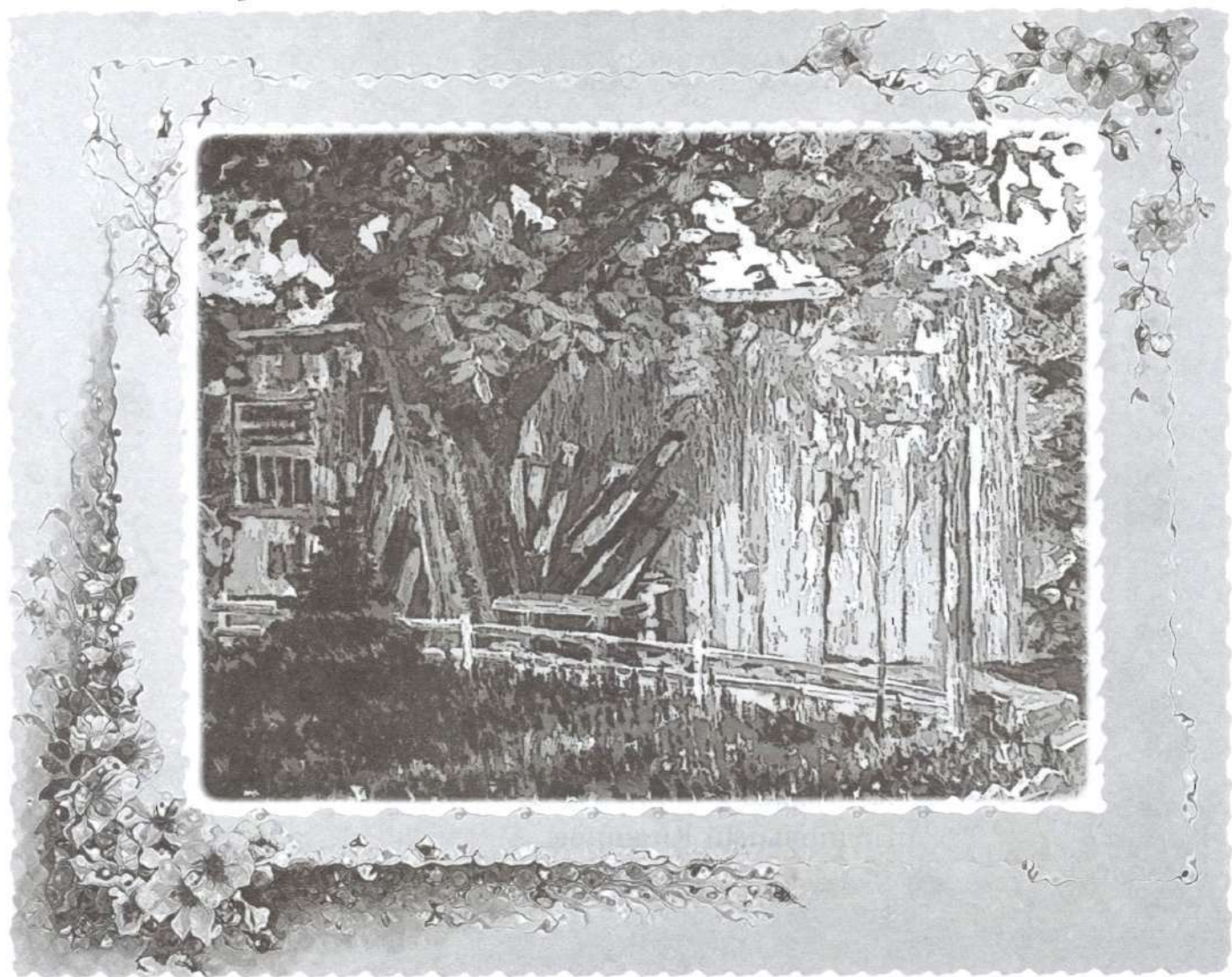
4

Листьями, листьями
Месяцы кружат.
Выстрелы, выстрелы
Прямо в листопад.
Бендерская, Садовая –
Знамена вразлет,
Над избами бедными
Семнадцатый год
И окна с опаской
Открываются в рассвет.
Стучит дверями красный
Солдатский комитет,
И в городской бессоннице
Звенит копытом гулко
Котовского конница
По тихим переулкам.
Натруженный, разбуженный
звучаньем новых слов,
Возьмешься за оружие,
Подпольный Кишинѣв.

5

Бродит осень по земному глобусу.
Звезд и листьев первое кружение.
На подножке желтого автобуса
В Кишинѣв въезжает воскресенье.
Ходит этот день по главной улице.

Ходит на окраинах под кранами,
К солнцу поднимается и жмурится
Город серебристыми фонтанами.
Переполнен звуками и красками –
Ярких платьев и домов цветенья.
С астрами, с улыбками, с колясками
Город вышел встретить воскресенье.

Кишинёвский дворик. 1975

* * *

Вдыхаю воздух шафранный,
Ладонями осень чую,
И, вытащив шарф из кармана,
Я в нем, как в гнезде, ночую.
А ноги мои ступают
На прелые, скользкие тени.
Как псы меня обступают
Домов неприкаянных тени.
Балконов унылые морды
С надеждой уткнутся в душу...
Я знаю, когда-то гордым
Был город мой простодушный.
Приманят, подачку кинут –
Теперь он служит любому.
Мне страшно: случайно сгинет,
Отраву сжевав любовно.
Но блеск затаился в окнах,
И ветры подъезды сжимают.
Закутавшись в зимний кокон,
Мой город весны ожидает.

Кишинёвский дворик. 1977

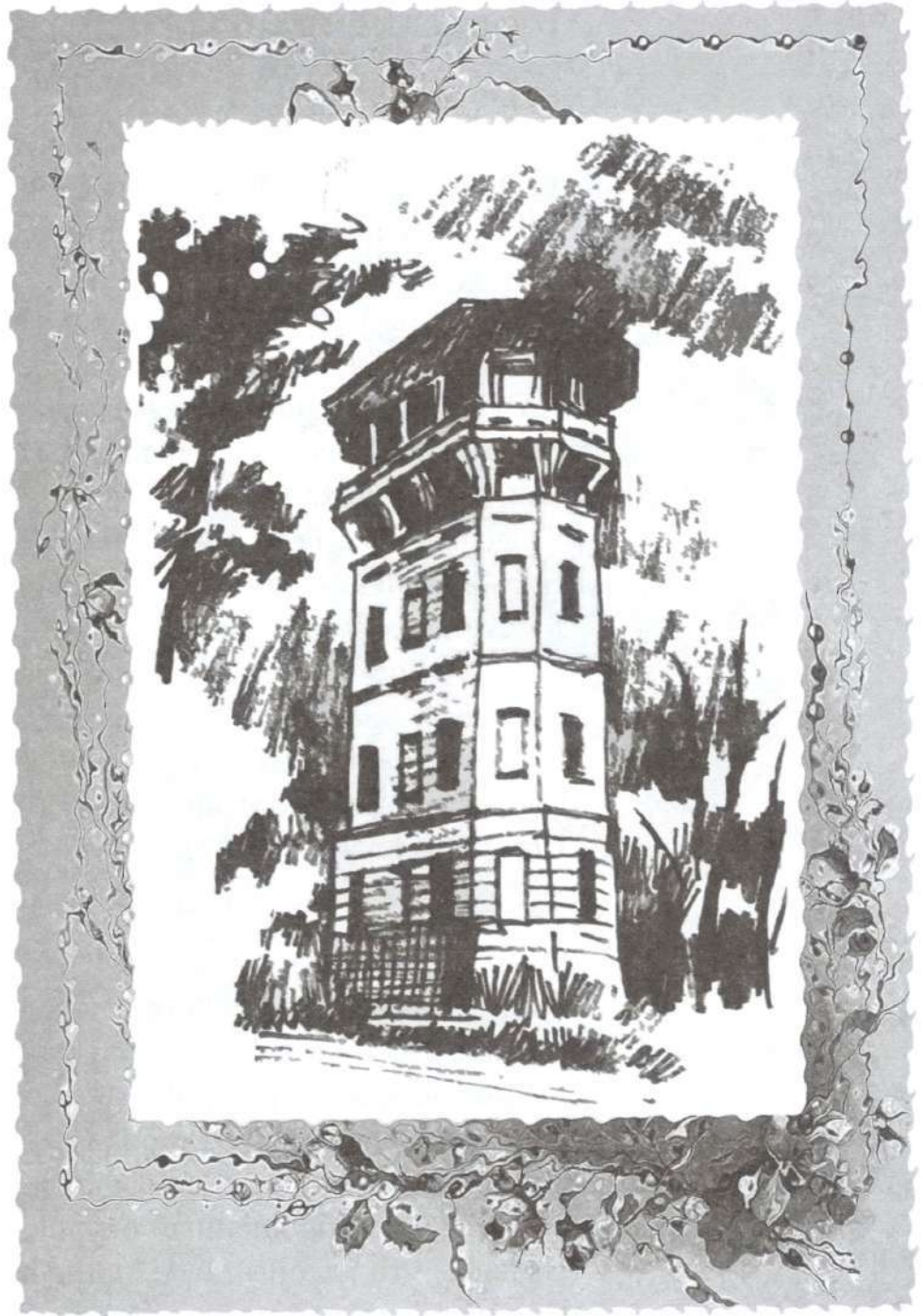
Городские стансы

1.

Декабрь, Муниципальные часы
Берут семь нот из Еуджена Доги
О городе. Две стрелки, как усы,
(с той разницей, что сходятся в итоге
к полудню), провоцируя час пик –
тот указатель в небо, где возможно,
Не так сиюминутно и тревожно,
Как у прохожих, загнанных в тупик
Безденежьем... Рекламная латынь,
На европейский лад настроив город,
Любуется собой. А ты прикинь,
Ее античность – несомненный повод
К раздумью: а откуда сей народ?
В каком родстве с ним состояли даки?
Сосредоточиться мешают мне собаки
Истошным лаем у чужих ворот...

2.

Итак, зима. Просторней стало. Снег
Принес циклон с ненастного востока.
Бычок, лениво ускоряя бег,
Еще течет, но как-то однобоко.
Он презирает прозвище «Бычок»,
Не менее, чем брошенный окурок,
Надеясь, что какой-нибудь придурок
Напишет диссертацию – исток,
Как ни крути, предполагает устье.
Течение – воды стихийный нрав.
Возможный соискатель будет прав,
Что корабли и в наше захолустье
Везли товар. А Пушкин, между дел,
Морщил гладь утяжеленной тростью,
И брал смуглянок местных на прицел,
Как подобает ветреному гостю...

Водонапорная башня
(архитектор А. Бернардацци.
Построена в 1892). 2017

Землетрясение в Кишинёве

I

Треск, Дрожь, Страх, Блеск, Дождь, Мрак.

Ползком фортепиано крадется от стенки,
Танцуют диваны, гарцуют кушетки,
Качаются люстры, рассыпались астры,
Пошли ходуном рестораны, театры...
Как самоубийцы, бросаются с полок
Сервантов сервизы на дышащий полог.
Буфеты кряхтят. Распахнув антресоли,
Газеты летят по неведомой воле.
Наметилась трещина вдоль потолка.
Невнятица. Сутолока. Тоска.

Треск, Дрожь, Страх, Блеск, Дождь, Мрак.

Трясет министерства, трясет исполкомы.
Скорей бы одеться и – пулей из дома.
Земля в лихорадке – все в беспорядке:
Дворы и проспекты, деревья и парки.
Весь город вибрирует в жарком ознобе
На крепкой железобетонной основе.
Тень лезет на тень.
Темь лезет на темь.
Гром лезет на гром.
Дом лезет на дом.

Треск, Дрожь, Страх, Блеск, Дождь, Крах...

Но кончится лихо, утихнет шумиха –
Настанет пора разобраться без крика:
Что с нами стряслось?
И коль выстоит дом,
Затеем ремонт и комфорт наведем.

II

Со мной смятение и страх
стихийной силы. В шатком доме
я на сейсмических толчках
распял себя в дверном проеме.
Все рушится. Не божий суд –
земной жесток, как вор в законе...
Трясет. Что может лилипут
у Гулливера на ладони?

Комсомольское озеро. ЦПКиО. 1985

Пушкинский парк

В аллеях Пушкинского парка –
Тысячелетний листопад,
И взбаламученные галки,
Вспорхнув с мемориальной арки,
С утра над городом галдят.

Так было до,
 так будет впредь –
Иначе осень не умеет.

А значит, небу не стареть,
И поздних листопадов медь

Смотрите, не смотрите,
Взгляните,

 падает листва.

Кто объяснит ее круженье?
Что это? Грустные слова?
Надежд несбывшихся крушенье?

Или пора иных примет
На старых потускневших липах,
Когда с них убывает свет
Осенних дней неторопливых...

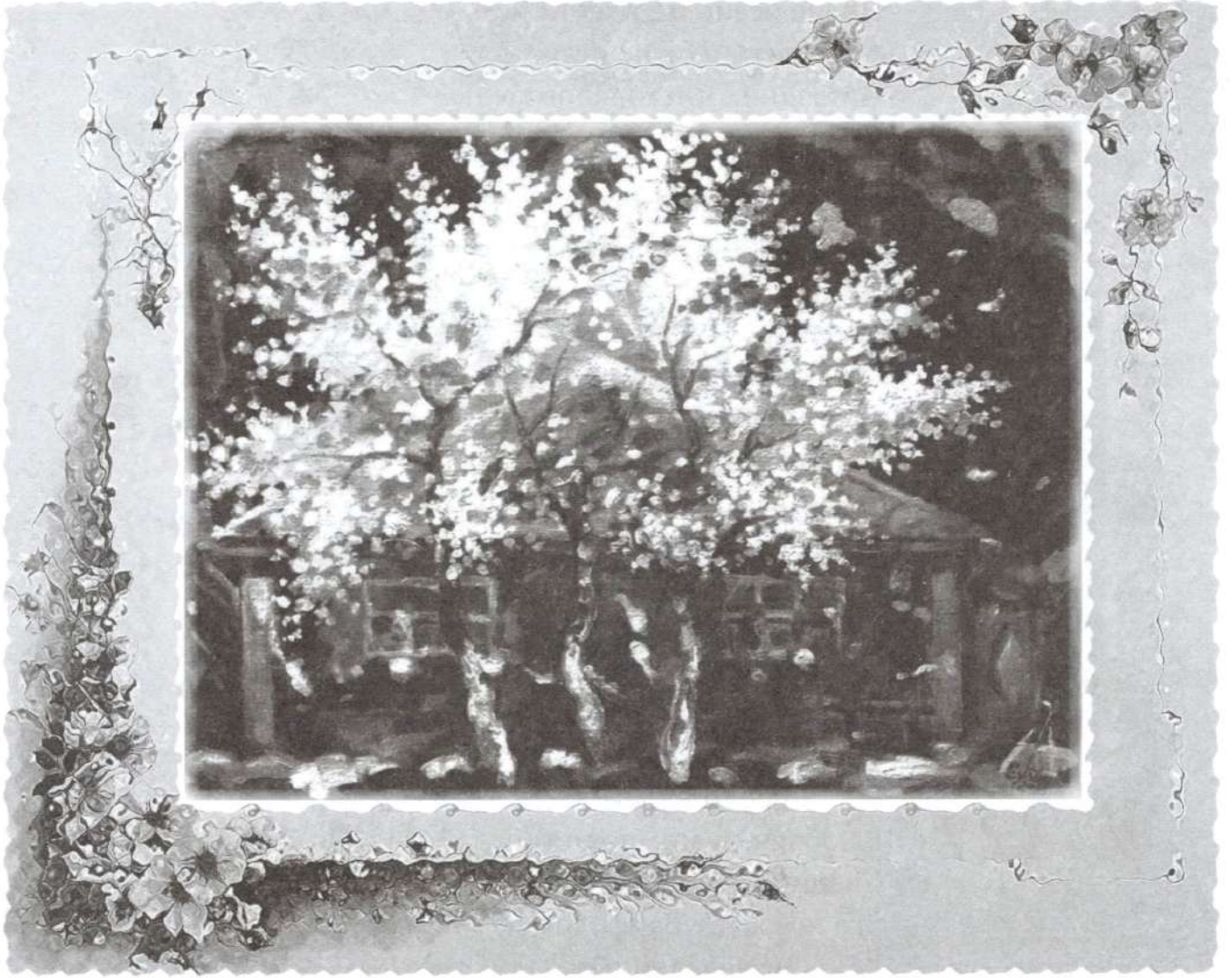
И все же, осень, помоги
В час перелетного рассвета

Иному веку вопреки
Услышать легкие шаги
Вольнолюбивого поэта.

Он где-то здесь,
 среди аллей.

Влюблен, и мимо листопада
Спешит, как будто у дверей
Его все ждет Варфоломей,
Как в понедельник ждал когда-то.

В Свято-Георгиевской церкви
с утра поют колокола,
что убаюкивают нервы
и подкативший приступ зла:
на подурневшую погоду,
на пастырей, на их стада
и эту дикую свободу
от благочестья и стыда...

Домик на ул. Киевской. 1991

Олег ПАНФИЛ

* * *

из-за далеких
чеканских домов
встает луна,
как кража молитвы.

приди же мой друг
из-за далеких
холмов
темных
отороченных светом
и отсветом.

тело судьбы –
ладан
и цыганское
золото.
из-за далеких,
из-за всего.
авкитанэ
манса.

нырок

вынырни из небесной реки
над рышкановкой
дрожит тетива ул. димо
внизу

попасть в кишинёв

там уже нет наших тел
и тумана цвета спелой пшеницы
и звенит и звенит тетива

небесная текла река под нами
и годы тьмы сияли в глубине
и проплывали над димо и мимо
турбазы дойна
заворачивая к центру
по улицам твоим
не возвращаясь

Горячий цех. Тракторный завод. 1976

